

● 25 марта 1981 г. Среда.

ЗАКАРПАТСКАЯ ПРАВДА

● К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

БЕЛА БАРТОК

КОГДА я думаю о Беле Бартоке, мне вспоминается прежде всего его завещание, написанное в 1940 году. В то время уже признанный во всем мире композитор, пианист и музыковед-фольклорист, перед которым с глубоким почтением склоняли головы выдающиеся деятели культуры разных стран и континентов, патриот и интернационалист до мозга костей, прогостюя против фашизма, ринувшегося в наступление на Европу, решил эмигрировать из родной Венгрии. Предчувствуя всечеловеческую трагедию, как личную, он писал в завещании:

«Пока в Будапеште бывшие площади Октогон и Керенд носят названия тех, чьими именами они названы сейчас (то есть Муссолини и Гитлера, — Ю. Ш.), а также пока в Венгрии есть или будет хоть одна площадь или улица с их именами, пусть в этом государстве моим именем не будет названа ни одна площадь, ни одна улица, ни одно общественное здание... Данное завещание я написал и подписал собственноручно и сим еще раз подтверждаю, что все сказанное в нем выражает мою последнюю волю».

Судьба дала Бартоку еще неполных пять лет жизни, но он никогда не отрекся от своего завещания. Это была не пустопорожняя фраза, а крик души кристально чистого и благородного человека, который всем своим высоким подвигом в жизни и искусстве снискал право весомо и непре-

рекаемо написать такие слова.

Думая о Беле Бартоке, стремишься охватить мысленным взором его жизненный и творческий путь и каждый раз ощущаешь растерянность. Почти Бартока до конца сможет лишь тот, кто проникнет во все сферы его деятельности на уровне самого Бартока. Конечно, мы можем лишь наметить отдельные штрихи его личности, отдельные вехи его пути, приблизиться к их пониманию и значению. Ведь, по выражению его соотечественника и друга композитора Золтана Кодая, с которым Б. Барток в 1919 году стал на сторону Венгерской Советской Республики как член музыкального директориума, «Барток относится к людям того сорта, которые, гонимые вечным недовольством, стремятся изменить все, сделать красивее и добрее все, что находят на Земле. Из таких людей выходят исполнители искусства и науки, великие путешественники и открыватели, в политике великие революционеры, Колумбы, Галилеи, Кошуты, и все они оставили после себя мир иным, не таким, каким его застали».

Гонимый «вечным недовольством», Барток нашел в музыке свой язык, свои средства выражения. Не сразу и не все его поняли. И даже тогда, когда ее признали, в жизни композитора бывали такие дерзоды, когда его творчество подвергалось ревизии, вульгаризаторскому толкованию. Такова уж участь тех, кто идет к людям с совершенно новым, необычным, судьба революционера-но-

ватора. Но Барток, как и люди его типа, никогда не обращал внимания на ропот «традиционалистов», а шел дальше своей дорогой.

Сейчас она, эта дорога, усеяна такими жемчужинами, как симфоническая поэма «Кошут» (1904 г.), опера «Замок герцога Синей Бороды» (1911 г.), балеты «Деревянный принц» (1916 г.), «Чудесный мандарин» (1919 г., первая постановка в 1926 г.), «Кантата профана» (1930 г.), «2-й фортепианный концерт» (1931 г.), «Музыка для струнных, ударных и челесты» (1936 г.), «Соната для 2 фортепиано и ударных» (1937 г.), «Дивертисмент» (1939 г.), «Концерт для оркестра» (1943 г.), «Фортепианный оркестр» (1945 г.) и другие, множество обработок народных песен. Кстати, Барток собрал свыше 30 тысяч народных песен не только венгерских, но и румынских, словацких, украинских и других. В поисках фольклорных сокровищ побывал в экспедиции на африканском континенте, в Турции.

На 20—30-е годы приходится расцвет гастрольно-концертной деятельности Бартока. Как пианист он посетил многие страны Западной Европы, США, а в 1929 году нашу страну. И везде налаживал связи с учеными-фольклористами, ищет то, что сближает и роднит народы.

Яркой страницей в жизни Бела Бартока явилось путешествие в СССР. Он выступил с концертами в Ленинграде, Москве, Харькове и Одессе. О

гастролях выдающегося венгерского пианиста, о его месте в музыке с глубоким уважением писала газета «Правда» от 12 февраля 1929 года,

отмечая, что он нашел выход из тупика западноевропейской рафинированной музыки и непомерного индивидуализма на пути к нетронутой целине народной музыки Средней и Южной Европы. Переполненный зал, писала газета, чрезвычайно тепло принимал Бела Бартока.

С большим успехом прошли концерты Бартока на Украине. Газета «Литература й мистецтво» от 12 января 1929 года так оценила его творчество: «Выдающийся композитор Венгрии Бела Барток, которого считают сейчас лучшим музыкантом современности, недавно был гостем столицы Советской Украины. Композитор интересуется музыкальной жизнью нашей республики, посетил в экспедиции на африканском континенте, в Турции.

Отвечая на вопросы корреспондента этой газеты об отношении к украинской музыке, Барток вспомнил о своих записях украинских народных песен в Закарпатье и заметил, что «в старые времена украинская коломийка оказала большое влияние на определен-

ную группу венгерских крестьянских песен», что он «заинтересован украинской музыкой» и «в дальнейшем должен отдать больше времени ее подробному изучению и даже использованию».

Известно, что это были не просто слова. Более того: одним из последних произведений Бартока, написанных перед смертью (умер он в ночь 26 сентября 1945 года в Нью-Йорке), была обработка украинской народной песни «Я купил на ярмарку ячменю» под названием «Мужнино горе».

Бела Барток вынес наилучшие впечатления от Советского Союза. В Харьковском оперном театре он посмотрел спектакль «Севильский цирюльник» и под его впечатлением сказал: «Я никогда не ожидал увидеть здесь такую интересную постановку, вместе с тем и хороших певцов и исполнителей, которые не хуже, а по-

рой и лучше зарубежных». Под влиянием своего ленинградского концерта, где слушатели «заставили» Бартока сыграть «на бис» свое произведение «Аллегро барбаро», он вспоминал: «Вообще у меня такое впечатление, что русская публика, если получит действительно нужную ей программу, принимает ее вдохновеннее и теплее, чем концертная публика крупных европейских городов».

Думая сегодня о великом венгерском музыканте, нельзя не упомянуть о его связях с Закарпатьем, не окинуть их хотя бы беглым взглядом. Они, эти связи, начались еще с детства. Дело в том, что в 1889 году, когда будущему композитору было восемь лет, его мать как педагога перевела на работу в закарпатский город Виноградово. Вместе с матерью он прожил здесь до 1892 года, учился в начальной, а затем в горожанской школе. В Виноградове Барток написал свое первое произведение «Течение тисы», позже переименованное в «Течение Дуная», с которым выступил здесь же — очень успешно! — на публичном концерте, когда ему еще не было и 11 лет.

О пребывании Бартока в Виноградове, куда в ярмарочные дни собралось много сельского люда — украинцев и румын, пишет венгерский исследователь его творчества Ласло Шандор: «Маленький Бела Барток привыкал здесь к музыке других народов и, вероятно, здесь обратил внимание со все большей сознательностью на своеобразные ритмы и мелодии славянских и румынских народных песен».

В 1911 и 1912 годах Барток предпринял два путешествия в Закарпатье. Во время первого из них он собирал украинские

народные песни в селах Долгом, Великой Копане и Стеблевке. Во время второго путешествия посетил села Рафайлово, Гараздовку, Дрисино, Лисковец, Баркасово, Холмок и Петрово.

Дважды выступал Барток с авторскими концертами в Ужгороде — в 1926 и 1930 годах. Первый концерт состоялся в большом зале нынешней гостиницы «Верховина», а второй — в зале нынешнего Дома санитартного просвещения. Оба выступления превратились в настоящий праздник. Во время второго пребывания в Ужгороде Барток имел дружеские встречи с двумя местными музыкантами — известным скрипачом и композитором из Великих Лаз на Ужгородчине, другом Ференца Листа, в то время уже почти 90-летним Нандором Плотеи и с ужгородским преподавателем музыки Жигмондом Ленделом, который дожил до нашего времени, работал в Ужгородском музыкальном училище.

Барток переписывался с тогдашним преподавателем музыки в Ужгороде, а ныне профессором Львовской государственной консерватории, композитором и пианистом, заслуженным деятелем искусств УССР Д. Е. Задором. Мне довелось видеть тетрадь с записью 156 закарпатских украинских песен, которую Д. Задор по просьбе Бартока одаживал ему для изучения и переписки произведений, просматривать на полях заметки и замечания, сделанные рукой Бартока.

Бела Барток поддерживал переписку, научно-творческие связи со многими деятелями украинской культуры. Хотелось еще вспомнить один эпизод, свидетельствующий о большом уважении великого венгра к украинской культуре в частности.

сти, и к славянству вообще. Еще в 1928 году Барток в Праге, на конгрессе народного искусства, познакомился с выдающимся украинским ученым Филаретом Колессой. Между ними наладились тесные контакты. В 1931 году, в Антверпене состоялся Интернациональный конгресс. Председательствовал на нем как раз Бела Барток, когда в зал вошел Филарет Колесса, который немного опоздал. «Уважаемые делегаты, — обратился Барток к залу, — Встанем в честь одного из крупнейших славянских этнографов Филарета Колессы».

В одном из писем к Ф. Колессе Барток, знавший много языков (английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, румынский, словацкий), просит его раздобыть словарь украинского языка.

Имя Бела Бартока ныне сверкает звездой первой величины не только на небосклоне венгерской культуры, но и — всего человечества, помогая находить путь к взаимопониманию, дружбе и миру между народами. Не случайно Бела Барток посмертно был удостоен наивысшей в Венгрии награды — премии имени Кошута (1948 г.), а также Международной премии мира (1955 г.). Дапы уважения отдаст Беле Бартоку многоязычная семья Страны Советов, которая знает его творчество, высоко ценит его, ставит Бартока в один ряд с крупнейшими музыкантами мира, последовательными борцами за победу гуманистических идеалов.

Бела Барток, чье столетие со дня рождения отмечается сегодня, живет среди нас.

Юрий ШКРОБИНЕЦ,
член Союза писателей СССР.